

И.И. ХОХЛОВ*

**СОЦИЕТАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ТЕРРОРИЗМА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ ПАТТЕРНОВ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Аннотация. Автор исходит из понимания феномена терроризма как явления системного характера, в основе которого лежит комплекс взаимообусловленных и дополняющих друг друга переменных. Одной из них является сочетание исторического и культурного фонов общества, или системы с факторами среды (социальной, экономической и политической): определенное сочетание этих факторов, свойственных периоду модернизации второй половины XX и начала XXI в., приводит к формированию значительного числа десоциализированных индивидуумов, испытывающих острую релятивную депривацию и выражающих ее через крайние формы девиантного поведения.

На широком фактическом материале 1960–2010-х годов автор демонстрирует, каким образом модернизация и сопровождающее ее разрушение экономических, политических и социальных институтов, свойственных традиционным обществам, способствуют распространению террористических идей и формированию паттернов террористического поведения.

Ключевые слова: терроризм; социетальная теория; структурный функционализм; модернизация традиционных обществ.

***Хохлов Игорь Игоревич**, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова (Москва, Россия), e-mail: igor.igorevich.khokhlov@gmail.com

Khokhlov Igor, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (Moscow, Russia), e-mail: igor.igorevich.khokhlov@gmail.com

© Хохлов И.И., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

Для цитирования: Хохлов И.И. Социетальная теория терроризма: Социально-экономические и психологические предпосылки формирования паттернов террористического поведения // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 34–53. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

I.I. Khokhlov

The societal theory of terrorism: How socioeconomic and psychological factors form patterns of terrorist behaviour

Abstract. The author understands the terrorism as a complex phenomenon, based on interconnected factors, which can be understood at different levels of analysis.

In the article the societal level of analysis is used to explain terrorism through the historical development and cultural background of the society which is viewed as a large and complex system, including its political, social and economic environments as well as its historic development as it undergoes the modernization process.

The author tries to identify casual relationship between features of a distinct society and the occurrence of terrorism in that society.

Keywords: terrorism; societal theory; structural functionalism; modernization of traditional societies.

For citation: Khokhlov I.I. The societal theory of terrorism: How socioeconomic and psychological factors form patterns of terrorist behavior // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 34–53. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.02

Социетальный подход к анализу истоков террористической деятельности предполагает изучение исторического и культурного фона общества, а также его современных социальных, экономических и политических характеристик и факторов среды. Исследователи пытаются установить, возможно ли определить системную взаимосвязь между определенными характеристиками общества и возникновением терроризма.

В рамках данной статьи автор рассматривает терроризм как социально-политический феномен современного общества на всех его уровнях: глобальном, институциональном и индивидуальном. Анализ низшего уровня с позиции политической теории акцентирует важность понимания мотивации и психики отдельных террористов. Хотя многие использующие насилие радикальные группировки обладают эффективно действующим пропагандистским аппаратом, однако именно предрасположенность индивидуума к воздействию на сознательное, сверхсознательное и подсознатель-

ное оказывается решающим фактором вовлечения в террористическую деятельность.

В научном сообществе есть сложившееся представление об относительной роли разных уровней в формировании паттернов террористического поведения, главными из которых являются:

– социальная среда, включающая экономические условия, отношения в общинах мигрантов, столкновение традиционных ценностей с ценностями западного мира, проникающими через СМИ, и т.д. [Li, Schaub, 2004, p. 230–258; Lai, 2006];

– психические процессы формирования склонности к девиантному поведению, в том числе связанному с насилием в организованной группе [Lai, 2004].

Вместе с тем интеграция этих двух уровней анализа (индивидуального и социального) традиционно представляет большие сложности в исследованиях терроризма. Сложившаяся практика предполагает, что влияние психологических факторов принимается по умолчанию, без дальнейшего учета степени их влияния.

Авторы часто различают триггеры¹ (или непосредственные мотивы) и предпосылки терроризма [см.: Eckstein, 1972]. Одним из примеров триггера является убийство немецкой полицией 26-летнего студента-активиста Бенно Онезорга 2 июня 1967 г. во время демонстрации – именно этот эпизод побудил группу левых радикальных студентов взять оружие и сформировать «Фракцию Красной армии» (RAF). Сообщается, что Гудрун Энслин, впоследствии ставшая соучредителем RAF и одним из его ключевых лидеров, заявила на студенческой встрече вскоре после смертельных столкновений следующее: «Это фашистское государство намерено убить всех нас. Мы должны организовать сопротивление. Насилие – единственный способ ответить на насилие. Это поколение освенцимов, и с ними нет споров!»

Еще одним примером действия триггера можно назвать восстание студентов 17 ноября 1973 г. в Афинах, которое было жестоко подавлено греческой военной хунтой. Это привело к образо-

¹Триггеры – это конкретные события или явления, которые непосредственно предшествуют вступлению в террористическую организацию или совершению теракта, в то время как предпосылками являются обстоятельства, которые в долгосрочной перспективе заложили основу для терроризма [Eckstein, 1972].

ванию «Революционной организации 17 ноября», одной из самых активных террористических организаций Европы в 1980-х годах.

Вместе с тем было бы опрометчивым считать триггеры первопричинами террористической деятельности или рассматривать их в контексте выработки рекомендаций для работы с молодежью с целью профилактики радикального девиантного поведения.

Предпосылками создания террористических организаций, прежде всего, являются такие факторы:

– глобальные процессы, сделавшие современные общества более уязвимыми в силу их открытости в отношении террористического насилия, доступности физических возможностей организации террористических ячеек;

– долгосрочные мотивационные факторы, такие, как недовольство правящей элитой, наличие жалоб среди подгруппы, дискриминация и отсутствие возможностей для участия в полноценной политической жизни.

Модернизация, девиантное поведение, насилие

К исследованиям взаимосвязи модернизации и политического насилия ученые часто обращались во второй половине XX в. Автор сразу хочет оговориться, что не рассматривает процессы модернизации и глобализации как тождественные и, в частности, не разделяет мнения Энтони Гидденса и Бьёрна Утвика, фактически утверждающих тождественность данных понятий в рамках западноцентричной парадигмы.

Так, к примеру, Э. Гидденс определяет модернизацию как «формы общественной жизни и организации (таковой жизни. – *Прим. авт.*), которые сформировались в Европе с XVII в. и по настоящий момент и которые постепенно стали доминирующими в мире в смысле своего влияния» [Giddens, 1990, p. 1]. В своей работе по исламизму Б. Утвик предлагает исходить из двух различных пониманий последствий технологических и экономических изменений, происходивших в некоторых регионах Европы с XVI в. и на Ближнем Востоке с XIX в., поскольку эти изменения способствовали формированию различных обществ. В первых рыночные отношения определяют процессы не только производства и обмена, но и социальные приоритеты. Во-вторых, на Ближнем Востоке,

они лишь сопутствуют «общественно-политическим изменениям: на социальном уровне это распад крепко спаянных традиционных сообществ, основанных на семейных и патрон-клиентских отношениях в пределах городского квартала, деревни или родственного объединения; на политическом уровне – растущая мобилизация населения, быстрый рост и централизация государственного аппарата» [Utvik, 2003, p. 44]. Теории модернизации в большей или меньшей степени восходят к трудам социолога Эмиля Дюркгейма и его классической теории перехода от органической солидарности к современному механистическому обществу [см.: Deutsch, 1953; Gellner, 1994, p. 55–63; Huntington, 1968; Horowitz, 1985].

В понимании Дюркгейма общество представляет собой надындивидуальное бытие, закономерности существования которого не зависят от действий отдельных индивидов. Однако, объединяясь в сообщества, люди сразу начинают подчиняться нормам и правилам, которые он называл «коллективным сознанием». Каждая социальная единица должна выполнять определенную ей функцию, которая необходима для существования общества как единого целого.

Основной классический аргумент в этой традиции состоит в том, что функционирование составных частей социального целого может быть нарушено, в частности, в ходе модернизации, и тогда эти части превращаются в плохо функционирующую форму социальной организации.

Модернизация и ее влияние на изменение таких форм привлекали внимание Э. Дюркгейма, в особенности в части изучения видов поведения, отклоняющихся от общепринятых правил и норм. Термин «аномия», введенный исследователем в научный оборот, используется для объяснения причин девиантного поведения, дефектов социальных норм и позволяет подробно классифицировать типы такого поведения. По мнению автора, модернизация может ослаблять легитимность государства и провоцировать политическое насилие. Учение об обществе Э. Дюркгейма легло в основу теории структурно-функционального анализа, что дало ему право считаться классиком в области социологии.

Позже возникшая на основе учения бихевиоризма Э. Дюркгейма школа зависимости связала бедность и отсталость в «третьем мире» с глобальными экономическими эксплуататорскими структурами, чья деятельность привела к распространению хищнических режимов и гражданских войн. Критики глобализации выдвигают

нули аналогичные аргументы в отношении причинно-следственной цепочки от экономической глобализации до недостаточного развития, нищеты и насильственных конфликтов. Далее я буду называть этот подход *научным структурализмом*¹.

Альтернативная теория, которую принято называть *либеральной*, в меньшей степени ориентирована на переходные проблемы модернизации и в большей на ее потенциально положительные конечные эффекты. Согласно либеральной парадигме, модернизация, основанная на свободной торговле и открытой экономике, будет способствовать высокому уровню экономического развития, что само по себе снижает потенциал для насильственных конфликтов.

Процветающая, развитая экономика также заложит основу для демократического правления, что, опять же, наряду с высоким уровнем экономического развития, окажет стабилизирующее воздействие на внутренние дела и в конечном итоге будет способствовать социальному миру.

Другими словами, мнение либеральной школы заключается в том, что модернизация ведет к процветанию, что, в свою очередь, снижает шансы на насильственные конфликты либо напрямую, либо посредством политических реформ и демократизации. Изначально либеральная теория была всего лишь парадигмой, объяснявшей частные случаи и отдельные механизмы в межгосударственных отношениях, однако под влиянием Эрика Вида и других видных исследователей она также показала свою действенность для понимания внутривнутриполитических процессов [Weede, 1995, p. 519–537; Gissinger, Gleditsch, 1999, p. 274–300].

Следует отметить, что в литературе о причинах терроризма больше поддерживается структурный подход, нежели либеральная школа. Автор связывает это с тем, что авторитетные исследователи в рамках либеральной теории не уделяют достаточного внимания несистемным выражениям протеста, в том числе насильственным, и, в основном, оперируют понятиями в рамках сложившихся внутривнутриполитических систем.

¹ Интересную научную дискуссию на эту тему см.: [Hegre, Gissinger, Gleditsch, 2003, p. 252–271].

Быстрый экономический рост и терроризм

Опираясь на постулаты структурно-функциональной школы, можно отследить причины политического насилия и терроризма как произрастающие из процесса экономической модернизации. В логике предлагаемой ею модели индустриализация и экономическая модернизация влияют на общество таким образом, что значительное количество его членов оказываются исключенными из процессов экономического обмена, не имеют возможности полноценного включения в социальную ткань общества с тем статусом, которого, по их мнению, они достойны. Как полагают структуралисты, не сумевший социализироваться индивидuum бежит от разочаровавших его последствий модернизации, отказывается подчиняться существующим социальным нормам и структурам. Его поведение более не сдерживается социальными связями, нормами морали и какими-либо формами организации общественной жизни, что приводит к желанию выразить свое разочарование через террористическую деятельность. Такая линия рассуждений свойственна не только сторонникам структурно-функциональной школы, но и последователям классических психосоциологических теорий разочарования и относительной депривации.

Взаимосвязь между быстрой модернизацией и насилием смоделирована в классическом исследовании Сэмюэля Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах». Так, он пишет: «Мало того, что социальная и экономическая модернизация рождает политическую нестабильность, уровень нестабильности зависит от темпов модернизации». В истории Запада есть огромное количество свидетельств в пользу этого наблюдения. «Быстрый приток большого числа людей во вновь развивающиеся городские районы, – отмечает Корнхаузер, – стимулирует массовые движения». Опыт европейских (особенно Скандинавских) стран показывает, что там, где «индустриализация проходила быстро, порождая резкие разрывы между доиндустриальной и индустриальной стадиями, возникавшее рабочее движение носило более экстремистский характер» [Kornhauser, 1959, p. 143–144; Lipset, 1960, p. 68]. Сходным образом корреляция комбинированного индекса скорости изменений, рассчитанного по шести из восьми индикаторов модернизации (начальное и среднее образование; потребляемое число калорий; стоимость жизни; охват ра-

диосвязью; детская смертность; урбанизация; грамотность; национальный доход) для 67 стран в период 1935–1962 гг., с политической нестабильностью в этих странах в период с 1955 по 1961 г. составила 0,647. Чем выше темпы изменений в направлении современности, тем выше уровень политической нестабильности, в статике или динамике. Возникающий обобщенный образ нестабильной страны таков. Это – страна, «открытая влиянию современного мира; социально оторванная от традиционного уклада; испытывающая давление в направлении изменений, экономических, социальных и политических; соблазняемая новыми, “лучшими” способами производства товаров и услуг; фрустрированная процессом модернизации вообще и неспособностью правительства удовлетворить растущие ожидания в особенности» [Хантингтон, 2004, с. 63].

Как считает С. Хантингтон, усиление стремления к социально-экономическим изменениям и развитию напрямую связано с растущей политической нестабильностью и насилием, которые и характеризуют Азию, Африку и Латинскую Америку в годы после Второй мировой войны. Таким образом, прослеживается причинно-следственная связь между появлением и масштабами гражданского насилия и темпами экономического роста. В странах с самыми высокими темпами экономического роста нестабильность и политическое насилие принимали самые жестокие формы.

Свое понимание взаимосвязи модернизации и коллективного насилия предлагает Чарльз Тилли в классическом исследовании «От мобилизации к революции» [Tilly, 1978]. Он объясняет, что голодные бунты и другое коллективное насилие в ранней европейской истории были защитной реакцией на индустриализацию и вызванные ею быстрые социальные изменения.

Исследование Ч. Тилли интересно тем, что построено на большом объеме фактического материала в широком контексте разнообразных форм протеста: от условно легитимного протеста до экстремального, выражающегося в революции и терроризме. Ученый выделяет четыре основных компонента коллективной деятельности, нацеленной на свержение существующего общественного строя.

1. Организация группы или нескольких групп участников. Террористическая группа может быть сформирована различными

способами, начиная от спонтанного формирования толпы и заканчивая строго дисциплинированными революционными группами.

2. Мобилизация – процесс, посредством которого приобретаются эффективные ресурсы, делающие коллективные действия возможными. К таким ресурсам относятся: материальная база (деньги, логистическая помощь, вооружения и иные технические средства), политическая поддержка и рекрутинг.

3. Общие интересы лиц, привлекаемых к совместной деятельности, возможность разрешения этими лицами своих проблем (в том числе психологических). В основе мобилизации на коллективные действия всегда лежат какие-то общие цели: именно поэтому эффективные террористические группы всегда построены вокруг общей идеологии, а группы разной направленности редко сотрудничают друг с другом.

4. Возможность. Определенные события внутри- или внешнеполитического свойства открывают «окно возможностей» для реализации революционных целей: ошибки властей во внутренней политике, насильственная экономическая модернизация, внешнеполитические и военные неудачи – все это создает питательную почву для превращения малочисленных и слабых ячеек в мощные террористические организации.

По мнению Ч. Тилли, общественные движения возникают как следствие мобилизации ресурсов группы в тех случаях, когда группа не имеет институционализированных средств защиты своих интересов в рамках существующей политической системы, когда потребности данной группы игнорируются властью или общностью.

В какой степени эти теории эффективны для объяснения терроризма? Автору неизвестны научные работы, в которых явным образом изучается влияние быстрой модернизации на международный терроризм, что открывает большое поле деятельности для новых поколений исследователей.

Как представляется, следует разделять терроризм, имеющий социально-экономическую мотивацию, и этнически и религиозно мотивированный терроризм. Быстрая экономическая модернизация, измеряемая ростом реального ВВП, оказывает сильное и значительное влияние на уровень социально и экономически мотивированного терроризма, когда часть общества не успевает вскочить в «вагон модернизации». Частным проявлением такого терроризма

следует признать теракты последнего времени, осуществленные вторым поколением мигрантов из стран «третьего мира», которые не смогли интегрироваться в западноевропейское общество. По мнению автора статьи, многие случаи проявления так называемого «исламского терроризма» на самом деле имеют социальную и экономическую мотивацию и хорошо объяснимы с точки зрения парадигм релятивной депривации.

Вместе с тем автору не удалось найти взаимосвязи между идеологически и религиозно мотивированным терроризмом с модернизацией и экономическим неравенством.

Природные ресурсы как фактор внутриполитического конфликта

Процессы модернизации сильно отличаются от страны к стране, но тем не менее некоторые траектории экономического развития имеют большую склонность к усилению конфликта, чем другие.

Так, американский исследователь политического конфликта в развивающихся странах Гюнтер Бэчлер указывает, что экспорт природных ресурсов, особенно углеводородного сырья, металлов и других минеральных ресурсов, замедляет полноценное экономическое развитие страны, укрепляет авторитарный режим и препятствует созданию демократического порядка, а также увеличивает вероятность гражданской войны [Baechler, 1998].

Это, в первую очередь, касается слаборазвитых стран, где политические институты слабы, коррупция широко распространена, а элитные группы борются за доступ к единственной высоко rentабельной отрасли экономики. Такие режимы нестабильны по своей сути, хотя и выглядят устойчиво до тех пор, пока одна группа удерживает власть. Изучая такие режимы в ретроспективе, можно сказать, что *это было навсегда, пока не закончилось*.

Суть внутреннего конфликта состоит в том, что, пытаясь удержаться у власти, режим подавляет политические и экономические свободы и делает невозможным разностороннее развитие экономики. Возникающий перекоп приводит к тому, что доступ к единственному доходному ресурсу – добыче и экспорту полезных ископаемых – определяется политической властью. У групп, ли-

шенного доступа к политическому ресурсу, не остается иного выбора, кроме свержения существующей власти или подрыва всей системы политических институтов.

Ранее в научной литературе высказывалась точка зрения, что основным фактором, создающим конфликт, является дефицит ресурсов, однако теперь все чаще признается, что обилие некоторых природных ресурсов более опасно, чем дефицит.

Приток нефтяных долларов, доходов от добычи драгоценных камней или от вырубки тропических лесов с редкой древесиной создают дисфункциональную экономику («голландская болезнь») и способствуют формированию клептократических режимов, которые выкачивают из страны сырьевые ресурсы, не используя их для развития собственной экономики, и размещают полученную валютную выручку в развитых странах. Такие режимы связаны с более высокой вероятностью насильственного конфликта [Luciani, 1994; Looney, 2003].

Разные природные ресурсы оказывают различное воздействие на формирование внутривнутриполитического конфликта. Нефтяные и минеральные ресурсы, по-видимому, повышают вероятность гражданской войны, особенно сепаратистских конфликтов [Ross, 2004, p. 337–356].

Экспорт товаров, более удобных для контрабанды в силу более высокой удельной стоимости, таких, как драгоценные камни и наркотики, в менее развитых странах не обязательно вызывает гражданские войны, так как для получения доходов от этих ресурсов нет необходимости контролировать политическую власть и иметь доступ к легальному экспорту. Однако конфликты, в ходе которых конфликтующие стороны получают финансирование от контрабанды драгоценных камней, металлов и наркотиков, как правило, более затянуты, поскольку такие доходы легко могут быть использованы повстанческими армиями. Наглядным примером таких конфликтов являются Центральная Африка и Латинская Америка, где небольшие по численности, но хорошо вооруженные и профессионально подготовленные группы контролируют районы компактной добычи природных ресурсов или выращивания коки. Такие товары также играют определенную роль в финансировании международного терроризма. Так, незаконная торговля алмазами и героином использовалась для финансирования ряда террористиче-

ских организаций, включая «Аль-Каиду» и «Талибан» [For a few dollars more... 2003].

«Ресурсное проклятие» не ограничивается Ближним Востоком, где во всех богатых нефтью странах установились авторитарные или полуавторитарные режимы и где многие из этих стран испытывают периодические волны гражданского насилия и терроризма [Lia, 2006]. Богатая нефтью Нигерия давно входит в число ведущих стран с точки зрения воздействия терроризма, связанного с нефтью [Lia, Kjøk, 2004]. Нигерия также страдает от большинства недугов, связанных с модернизацией стран Юга.

Крошечная провинция Огониленд в Нигерии, местонахождение шести нефтяных месторождений, представляет собой, возможно, один из самых явных примеров: последние полвека нефтедобычи были названы американским антропологом Майклом Ваттсом «историей террора и слез», «экологической катастрофой, социальной депривацией, политической маргинализацией и проявлением корпоративного капитализма, где бессчетные иностранные транснациональные корпорации получают иммунитет от органов государственной власти» [Watts, 2001, p. 196].

Нефтяное богатство также стало фактором недавнего всплеска исламистского терроризма. Хотя «кража» нефтегазовых ресурсов Ближнего Востока западными ТНК и является любимой темой ряда террористических организаций на протяжении многих лет, «Аль-Каида» специально сосредоточилась на этом вопросе в своей идеологической литературе и, кроме того, выделила значительные ресурсы для разрушения поставок ближневосточной нефти из Ирака и Саудовской Аравии в Европу, Японию и США. В исследовании типичных схем террористических нападений на цели, связанные с нефтью, политолог Эшид Кьок указывает, что почти 2% террористических актов, осуществленных транснациональными террористическими группами с 1968 г. и зафиксированные в базе данных ITERATE¹, были нацелены на объекты инфраструктуры нефтяной промышленности [Lia, Kjøk, 2004].

¹ITERATE (The International Terrorism: Attributes of Terrorist Events) – международный научный проект по сбору данных о транснациональных террористических группах, их составе и деятельности; в рамках проекта все виды террористической активности систематизированы по нескольким десяткам параметров.

Основными мотивирующими факторами выступали оппозиция режиму, иностранным компаниям, использующим природные ресурсы, и «ресурсное вымогательство» (когда террористические группы получают систематические платежи от нефтяных компаний в обмен на сохранность своих объектов, в первую очередь трубопроводов, охранять которые из-за их протяженности сложнее всего).

От племенных обществ до смешанных рыночно-клиентских экономик

Видный исследователь политического конфликта в странах «третьего мира» Мишель Муссо выдвигает интересную и хорошо обоснованную теорию объяснения причин насилия модернизационного характера [Mousseau, 2002–2003, p. 5–29]. Он связывает социальное одобрение терроризма со сложным переходным процессом от племенных обществ к обществам с современными рыночными демократиями.

Авторитарные государства в развивающемся мире (М. Муссо называет их «клиентелистскими») сегодня все чаще сталкиваются с давлением, принуждающим их принять ценности либеральных демократических стран, что порождает «смешанную рыночную экономику развивающегося мира», вызывая интенсивное антирыночное возмущение, направленное прежде всего на воплощение рыночной цивилизации: на Соединенные Штаты [Ibid., p. 6].

Клиентелистские экономики характеризуются коллективизмом, интенсивными внутригрупповыми связями и недостатком эмпатии к внешним группам, в то время как рыночная экономика, благодаря своей широко распространенной практике предпринимательства и обмена на основе договорных отношений и фиксированных законов, поощряет ценности индивидуализма, универсализма, терпимости и уважения к равным правам. Переход от первого к последнему часто влечет за собой гражданское насилие и нестабильность; по мере разрушения патрон-клиентских отношений роль покровительства в политической элите снижается, а рента перераспределяется в пользу новых элит, извлекающих доход из экономической эффективности, а не из злоупотребления политической властью.

Другие авторы указывают, что клиентелистские политико-экономические системы, в которых распространена коррупция, не обязательно способствуют конфликту, если они стабильны и предсказуемы. Так, известный исследователь политического конфликта Филипп Ле Биллон отмечает, что насильственные конфликты могут быть вызваны изменениями в структуре коррупции, а не существованием самой коррупции [Le Billon, 2003, p. 413–426]. Внезапные изменения в таких системах приводят к нарушению традиционного распределения ренты и генерируют мотивацию для восстания против системы.

Теория М. Муссо может объяснить то широкое одобрение и даже прямую поддержку, которую теракты, организованные «Аль-Каидой» в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., получили далеко за пределами радикальных джихадистских движений.

Экономическое неравенство и терроризм

Неравенство в доходах является еще одним фактором, связанным с модернизацией, который, как принято считать, способствует политическому насилию как в развитых, так и в менее развитых странах. Еще в 1835 г. Алексис де Токвиль утверждал, что «почти все революции, которые изменили аспект наций, совершались во имя консолидации или разрушения социального неравенства» [Токвиль, 2001, с. 302]. Он выделил два способа, посредством которых неравенство может влиять на революцию: оно может усиливать неравенство или уничтожать его. Теоретический аргумент коренится в теории относительной депривации и связанных с ней гипотезах.

Что касается насилия неполитического характера, то экономическое неравенство является основным объяснением. Основываясь на Глобальном докладе о преступности и правосудии, обобщившем исследования и данные, собранные Центром ООН по предотвращению международной преступности, Майра Бувиник и Эндрю Моррисон выяснили, что «социальное и экономическое напряжение, вызываемое безработицей, неравенством и неудовлетворенностью доходами, представляет собой основной фактор в объяснении “контактных преступлений” (таких, как разбой, угро-

зы, сексуальное насилие, харассмент) среди стран мира» [Buvinić, Morrison, 2000, p. 65].

Межстрановые исследования насильственных преступлений обнаружили существенную корреляцию между преступностью и социально-экономическим неравенством [Fajnzylber, Lederman, Loayza, 2002, p. 1–40]. Однако в отношении политического насилия картина менее понятна: в ходе ряда исследований было выявлено, что существует положительная корреляция между неравенством и вооруженными конфликтами, т.е. можно наблюдать устойчивую тенденцию к тому, что страны с высоким уровнем внутреннего неравенства более подвержены внутренним вооруженным конфликтам [Bornschieer, Chase-Dunn, 1985; Muller, Seligson, 1987, p. 425–451; Boswell, Dixon, 1990, p. 540–559].

В ходе других исследований такой корреляции выявлено не было. В целом в этой области существует разнообразный и неоднозначный диапазон выводов, и представлено намного больше доказательств взаимосвязи между средним доходом на душу населения в разных странах и гражданским конфликтом, чем между неравенством доходов внутри страны и гражданским конфликтом.

Существуют также свидетельства того, что многие страны терпят растущее неравенство, не встречаясь с сильным конфликтом до тех пор, пока в стране наблюдается экономический рост. Однако в условиях замедления экономического роста, стагнации, вызванной изменением мировой экономической конъюнктуры или режимом санкций, уровень внутреннего конфликта в обществе возрастает, подрывая устойчивость режима [Hegre, Gissinger, Gleditsch, 2003].

Кажется очевидным, что значительное социально-экономическое неравенство в большей степени порождает конфликт, если перспективы экономического роста отрицательные и если они подкрепляются другими жалобами более политического характера, такими, как этническая дискриминация.

Недавние исследования подчеркивают центральную роль «постоянных горизонтальных неравенств» в объяснении насильственных конфликтов. Горизонтальное неравенство относится к неравенству между культурно определенными группами в таких категориях, как доход, занятость, а также доступ к политическому участию и тому подобное [Stewart, 2000]. И наоборот, страны, где культурные и классовые различия выражены меньше и где отсут-

ствует сильная имущественная дифференциация по культурным и классовым признакам, гораздо менее подвержены насильственному конфликту [Lacina, 2004, p. 197–198].

Изучая восстание маоистов в Непале, Мансуб Марсхед и Скотт Гейтс обнаружили, что «горизонтальное или межгрупповое неравенство имеет большое значение» в объяснении конфликта [Murshed, Gates, 2005]. При этом в конфликт оказалось вовлеченным не только население наиболее экономически обездоленных регионов – характер повстанческого движения также отражал этнические и кастовые характеристики непальского общества.

По-видимому, взаимосвязь терроризма с типом политического режима сильнее, чем с вертикальным социально-экономическим неравенством. В случае Латинской Америки Андреас Фельдман и Майя Пераля находят существенные связи между факторами политического управления и масштабом внутреннего терроризма, но не «между масштабами терроризма и экономической эффективностью и структурным экономическим неравенством» [Feldmann, Perälä, 2001].

Это похоже на выводы Брайана Лая, который провел кросс-страновой анализ террористических групп по всему миру, используя базы данных ITERATE. В ходе исследования он установил заслуживающие доверия факты прочной взаимосвязи между политической депривацией групп и уровнем терроризма, направленного против государства, в то время как экономические показатели индивидуальной депривации, такие как низкий уровень ВВП на душу населения или отрицательное процентное изменение ВВП, мало сказывались на уровне террористической опасности [Lai, 2004].

Вместе с тем в исследовании Б. Лая используются данные о транснациональном (ITERATE), а не о внутригосударственном терроризме, которые могли бы объяснить результаты его анализа. В важном исследовании внутреннего политического терроризма в Западной Европе в период с 1950 по 2004 г. Ян Оскар Энгене находит явную тенденцию к более высоким уровням идеологического (несепаратистского) терроризма в тех странах, где доходы были распределены неравномерно [Engene, 2004, p. 194].

Однако в своем исследовании Я.О. Энгене указывает на политические, а не на экономические факторы при объяснении моделей терроризма в Западной Европе. Следовательно, вполне вероятно, что социально-экономическое неравенство играет определенную

роль, но, в основном, в сочетании с другими факторами политического характера.

* * *

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать осторожные выводы относительно эффективности социетального уровня анализа девиантного поведения в целом и террористического поведения в частности.

При изучении теорий социетальной направленности обращает на себя внимание тот факт, что до недавнего времени наиболее применимыми для исследования терроризма считались национальные и системные уровни анализа. Вместе с тем, по мнению автора, более высокий уровень анализа имеет, в первую очередь, то преимущество, что он не ограничивается слишком большим количеством ситуационных и частных факторов и может обеспечивать релевантные обобщающие объяснения. Есть основания полагать, что объяснения более широкого толка, включающие в себя взаимодействие социальных, политических и экономических отношений в обществе, и особенно в обществе, находящемся в переходном состоянии от традиционного к современному, могут быть интегрированы в более всеобъемлющую и прогностическую модель терроризма и позволяют моделировать риски терроризма с большей полнотой и степенью вероятности.

На социетальном уровне анализа объяснения терроризма следует, прежде всего, стремиться к пониманию исторического пути общества и его культурного фона, а также его современных социальных, экономических и политических характеристик и условий. Вопросы исследования часто фокусируются на том, можно ли выявить причинную связь между определенными характеристиками общества и возникновением терроризма в этом обществе.

В рамках изложенной парадигмы системные объяснения могут включать практически все события в глобальной системе, такие, как конфликты и сотрудничество, международная торговля и инвестиции, а также распределение богатства и власти.

Список литературы

- Токвиль А.* Демократия в Америке. – М.: Весь мир, 2001. – 560 с.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Baechler G.* Why environmental transformation causes violence: A synthesis // Environmental change and security project / The Woodrow Wilson center. – Washington, DC, 1998. – Iss. 4, Spring. – P. 24–44.
- Bornschier V., Chase-Dunn Ch.* Transnational corporations and underdevelopment. – N.Y.: Praeger, 1985. – 189 p.
- Boswell T., Dixon W.* Dependency and rebellion: A crossnational analysis // American sociological review. – Menasha, 1990. – Vol. 55, Iss. 4. – P. 540–559.
- Buvinić M., Morrison A.* Living in a more violent world // Foreign policy. – Washington, DC, 2000. – N 118. – P. 58–72.
- Deutsch K.* Nationalism and social communication: An inquiry into the foundation of nationality. – Cambridge, MA: MIT Press, 1953. – 358 p.
- Eckstein H.* On the etiology of internal wars // Anger, violence and politics: Theories and research / I.K. Feierabend, R.L. Feierabend, T.R. Gurr (eds). – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972. – P. 133–163.
- Engene J.* Terrorism in Western Europe: Explaining the trends since 1950. – Northampton, MA: Edward Elgar publishing limited, 2004. – 200 p.
- Fajnzylber P., Lederman D., Loayza N.* Inequality and violent crime // Journal of law and economics. – Chicago, IL, 2002. – Vol. 45, Iss. 1. – P. 1–40.
- Feldmann A., Perälä M.* Nongovernmental terrorism in Latin America: Re-examining old assumptions. – Notre Dame, Indiana: The Kellogg Institute, 2001. – June. – (Working paper; N 286). – Mode of access: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/286_1.pdf
- For a few dollars more: How al Qaeda moved into the diamond trade: A report. – L.: Global Witness, 2003. – April. – 98 p. – Mode of access: <https://www.bellingcat.com/wp-content/uploads/2015/02/00010304-9f8e39cfaa710a2cbf1349645dc9e998.pdf> (Дата посещения: 27.05.2018.)
- Gellner E.* Nationalism and modernization // Nationalism / J. Hutchinson, A. Smith (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 1994 [1964]. – P. 55–63.
- Giddens A.* The consequences of modernity. – Cambridge: Polity press, 1990. – 186 p.
- Gissinger R.* Does an open economy lead to civil war?: Paper for International Studies Association Conference. – Minneapolis, 1998. – 17–21 March.
- Gissinger R., Gleditsch N.* Globalization and conflict: Welfare, distribution, and political unrest // Journal of world-systems research. – Pittsburgh, 1999. – N 5 (2), Summer. – P. 274–300.
- Hegre H., Gissinger R., Gleditsch N.* Globalization and internal conflict // Globalization and armed conflict / G. Schneider, K. Barbieri, N. Gleditsch (eds). – Lanhan: Rowman & Littlefield, 2003. – P. 251–275.
- Hezbollah and the West African diamond trade // Middle East Intelligence Bulletin. – 2004. – Vol. 6, N 6/7, June/July.

- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985. – 711 p.
- Huntington S.* Political order in changing societies. – New Haven, Connecticut: Yale univ. press, 1968. – 499 p.
- Kant I.* Perpetual peace: A philosophical sketch // Kant: Political writings / Ed. by H. Reiss. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1991 [1795]. – P. 93–130.
- Lacina B.* From side show to centre stage: Civil conflict after the Cold War // Security dialogue. – Oslo, 2004. – Vol. 35, Iss. 2. – P. 191–205.
- Lai B.* An empirical examination of religion and conflict in the Middle East, 1950–1992 // Foreign policy analysis. – Oxford, 2006. – Vol. 2 (1), January. – P. 21–36.
- Lai B.* Explaining terrorism using the framework of opportunity and willingness: An empirical examination of international terrorism // Research paper. – Iowa, 2004. – April. – P. 610–638.
- Le Billon Ph.* Buying peace or felling war? The role of corruption in armed conflict // Journal of international development. – Hoboken, NJ, 2003. – Vol. 5, Iss. 4. – P. 413–426.
- Li Q., Schaub D.* Economic globalization and transnational terrorism: A pooled time-series analysis // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 48, N 2. – P. 230–258.
- Lia B.* Globalisation and the future of terrorism: Patterns and predictions. – L.: Routledge, 2005. – 278 p.
- Lia B., Kjøk A.* Energy supply as terrorist targets? Patterns of «petroleum terrorism» 1968–99 // Oil in the Gulf: Obstacles to democracy and development / D. Heradstveit, H. Hveem (eds.). – Aldershot, Hampshire: Ashgate, 2004. – P. 100–124. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/281274751_Energy_Supply_as_Terrorist_Targets_Patterns_of_Petroleum_Terrorism_1968-1999 (Дата посещения: 4.05.2018.)
- Looney R.* Iraqi Oil: A gift from God or the devil's excrement? // Strategic Insights. – Monterey, CA, 2003. – Vol. 2, Iss. 7. – Mode of access: <https://www.hsdl.org/?view&did=444569> (Дата посещения: 23.08.2018.)
- Luciani G.* The oil rent, the fiscal crisis of the state and democratisation // Democracy without democrats? The renewal of politics in the Muslim world / Ed. by G. Salamé. – N.Y.: I.B. Tauris, 1994. – P. 130–155.
- Mousseau M.* Market civilization and its clash with terror // International security. – Cambridge, MA, 2002–2003. – Vol. 27 (3). – P. 5–29.
- Muller E., Seligson M.* Inequality and insurgency // American political science review. – Washington, DC, 1987. – Vol. 82, Iss. 2. – P. 425–451.
- Murshed M., Gates S.* Spatial-horizontal inequality and the Maoist insurgency in Nepal: Research paper / Review of Development Economics. – N.Y., 2005. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 121–134.
- Ross M.* What do we know about natural resources and civil war? // Journal of peace research. – L.; Thousand Oaks, 2004. – Vol. 41, Iss. 3. – P. 337–356. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/0022343304043773> (Дата посещения: 1.06.2018.)

- Stewart F.* The root causes of humanitarian emergencies // War, hunger and displacement: The origins of humanitarian emergencies / E.W. Nafziger, F. Stewart, R. Vayrynen (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – Vol. 1. – P. 1–41.
- The politics of territorial identity: Studies in European regionalism / S. Rokkan, D. Urwin (eds). – N.Y.: Sage, 1982. – 436 p.
- Tilly Ch.* From mobilization to revolution. – N.Y.: McGraw-Hill College, 1978. – 349 p.
- Urvik B.O.* The Modernizing force of Islamism // Modernizing Islam: Religion in the public sphere in the Middle East and Europe / J. Esposito, F. Burgat (eds). – L.: Hurst Publishing, 2003. – P. 43–68.
- Watts M.* Petro-Violence in Nigeria and Ecuador // Violent environments / N.L. Peluso, M. Watts (eds). – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. – P. 189–212.
- Weede E.* Economic policy and international security: Rent seeking, free trade, and democratic peace // European journal of international relations. – L., 1995. – Vol. 1, Iss. 4. – P. 519–537.
- Kornhauser W.* The politics of mass society. – Glencoe, Ill.: Free press, 1959. – 256 p.
- Lipset S.M.* Political man. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960. – 432 p.